

люди искусства

ЯЗЫК ЭМОЦИЙ

Народного артиста СССР Шукура Бурханова любят зрители всех возрастов и профессий. Популярность его в Узбекистане и за пределами республики устойчива и заслуженна. Каждая новая работа артиста — в центре общественного внимания. Но секрета здесь нет. Не так много сейчас в нашей стране артистов, умеющих нас не только восхищать, радовать и удивлять, но и приобщать к тайне неодолимо возникающего сопереживания всему происходящему на сцене.

Шукур Бурханов зачастую потрясает. Он берет нас в эмоциональный плен, воплощая не только близкие ему характеры представителей узбекского народа, но и тогда, когда играет героев Софокла, Шекспира, Чехова, Хикмета, утверждая верность центральной теме художника — борьбе его романтических героев за прогрессивные идеалы, их умение в самых тяжчайших условиях остаться идейно бескомпромиссными, чистыми нравственно, продолжающими бороться до конца, гибелью утверждая веру в неминовимость грядущей победы.

Сохраняя всю сложность социально-психологического восприятия глобальных проблем, поставленных драматургами-классиками, с позиций именно узбекского советского актера, не теряя чисто национальных нюансов при выборе средств театральной выразительности, Шукур Бурханов видится нам из зала доискивающимся истинны датским принцем Гамлетом; пылким, влюбленным юношей — итальянцем Ромео; горделивым правдолюбом, римлянином Брутом; неистовым богатырем Ферхадом; страдающим, великим и в несчастье греческим царем Эдипом; не нашедшим ключа к «дорогому роялю» в себе, русским интеллигентом — дядей Ваней...

Такое соединение национального и интернационального в искусстве Ш. Бурханова возможно, на мой взгляд, прежде всего потому, что способ существования артиста на сцене «подсказан» ему русской школой подлинного человеческого переживания, тем его направлением, расцвет которо-

го мы связываем с именем Павла Мочалова. Русская школа глубинного трагедийного переживания была оплодотворена методом социалистического реализма, предопределившим общественное и профессиональное обновление славных былых

К. БЕРЕЗИН

традиций в актерском опыте таких советских артистов, как Л. Леонидов, А. Бучма, А. Хидоятов, А. Хорава, А. Остужев.

Достойное и особое место занимает в этом ряду и узбекский артист, трагик по преимуществу, Шукур Бурханов.

Но здесь мне хочется перебить себя и вспомнить, что творческие достижения многих корифеев трагической школы актерского искусства часто представлялись даже ученым знатокам такими неосознанными всплесками стихийной творческой мощи, некими счастливыми дарами матери-природы. Так ли это?

Несостоятельность подобной точки зрения отчетливо видна и на художнической практике Шукура Бурханова, блистательно сыгравшего десятки комедийных и острохарактерных ролей, но наибольший успех снискавшего именно в трагедийном репертуаре.

Не так давно я вновь побывал в Ташкенте. Группа бывших моих учеников, вчерашних студентов Ташкентского ГИТИСа, а ныне режиссеров и артистов театра «Еш гвардия», пригласила меня на один из своих спектаклей. Я знал, что Бурханов часто и охотно общается с молодежью, его не надо было долго уговаривать — мы поехали к ребятам вместе.

С каким подъемом играли в тот вечер «молодогвардейцы» непритязательную комедию Шухрата «Жених на пять дней», зная, что их смотрит любимый артист.

После спектакля состоялся откровенный и дружеский разговор. Шукур нашел какую-то особую проникновен-

ную и доверительную интонацию, беседуя с ними о театре, драматургии, мастерстве, этике. Я хорошо запомнил то главное, что сказал он тогда:

— Здание, в котором вы сейчас играете, еще недавно принадлежало Театру имени Хамзы. Вы унаследовали, значит, и тот плацдарм, с которого мы десятилетиями вели штурм заветных рубежей искусства. Имя Уйгура, основателя Театра имени Хамзы, носит улица, на которой расположен ваш театр, фасадом своим смотрящий на улицу Навои, где в новом помещении теперь работает Академический театр имени Хамзы. Чувствуете символику?! Но ее можно прочитать и так: город вам доверяет... Я мог бы сейчас наговорить комплиментов. Но мне вас хвалить не хочется. Я на сцене более сорока лет. Меня не обманешь. Я вижу, как в ваших глазах не отражается эта самая внутренняя жизнь героя. Дайте-ка мне суфлерский экземпляр пьесы...

И Шукур Бурханов не спеша разобрал весь спектакль, он так увлекся, что стал проигрывать целые куски пьесы, а я тем временем, пока он репетировал с молодыми артистами, вспомнил, как десять лет назад мы испытали громадное эстетическое

наслаждение, увидав на сцене этого театра Шукура Бурханова в роли Мирзо Улугбека, великого узбекского гуманиста XV века, крупнейшего государственного деятеля, талантливого полководца и ученого.

Кто-то меня отвлек, прервав воспоминания об Улугбеке, и я стал прислушиваться к тому, что говорит молодежи Бурханов. Речь шла о том, как важно знать, что находится за текстом роли. Шукур рассказывал о своей последней работе — роли Эдипа в «Царе Эдипе» Софокла...

— Ни одно из действий Эдипа в звездные и трагические часы жизни не мыслимо без его обращения к картинам прошлого и будущего, без сжигания себя на костре сомнений, терзаний, прозрений, утверждений, неизбежных «сейчас, здесь, в сей миг» на сцене...

...Если бы меня попросили передать впечатления от игры Бурханова в Эдипе в двух словах, я был ответил: вначале голос, потом глаза. Удивительный низкий и звучный, благородного бархатного тембра, выразительно передающий смену душевных состояний героя: уверенность, счастье, смятенность, предчувствие катастрофы, отчаяние...

Бурные по накалу всплески чувств постепенно стихали, уступая место простому и тихому взгляду Эдипа. На глазах у зрителя он становился тяжелым и сумрачно углубленным, а затем отрешенно спокойным и вновь загорающимся светом надежды... Сквозь мрачную и непроницаемую завесу непреодолимых обстоятельств брезжал светлые лучи веры в неиссякаемые и неограниченные возможности Человека — так и в царе Эдипе проносил артист центральную тему своего творчества.

...Мы шли по ночным улицам Ташкента. Разгоряченный Шукур был еще там, в репетиционном зале, и вернуть его сюда, на грешную землю, было уже невозможно.

— Я, наверное, покажусь тебе нескромным, но мы, актеры, знаем о театре нечто такое, о чем драматурги, критики, режиссеры далеко не всегда догадываются... Например, как сложно и долго

«умирает» в тебе человек, в образе и подобии которого ты выходил десятки раз на свет рампы. А другой, «предыдущий» герой, недавно сыгранный, уходит от тебя легко, безболезненно, не оставляя никаких духовных следов. А знаешь ли ты, как один персонаж влияет на другого, отдаленного эпохой, возрастом, воспитанием? Помнишь, ты укорял когда-то меня, что Гамлет мой уж очень спешит мстить, карать, обвинять, судить?

— Да, в глазах твоего Гамлета жили страдание, ярость, гнев и тогда, когда — по Шекспиру — он непроницаем, спрятав всю смятенность души за масками бесстрастия и ложного безумия.

— Согласен. Но, пойми, это же был Гамлет узбекского актера Бурханова, сыгравшего столько ролей униженных дехкан, восстающих против своих же единоверцев — баев, казиев, ишанов, сладко живших под крылышком русского царя. Бесправные крестьяне, становящиеся революционерами, представь себе, продолжали жить во мне, человеку и актере, и к тому времени, когда я вышел на сцену в роли Гамлета. Верный Шекспиру и великим гуманистам эпохи Возрождения, мой Гамлет горько и глубоко задумывался, не зная, как исцелить больной мир, как «наладить жизни лад...». Но на меня «нажимал» Гафур из «Бая и батрака» Хамзы, и я как бы от его имени «просил» шекспировского Гамлета поскорее перепрыгнуть через пропасть исторически обоснованных сомнений и начать действовать. В какой-то момент зрители, вероятно, угадывали что-то переломное, кризисное в моем внутреннем состоянии и «не позволяли» моему Гамлету далее размышлять о несовершенстве жизни, «призывая» аплодисментами поскорее расправиться с тайными и явными врагами.

Я не за то, чтобы подстраиваться под зрителя, но нельзя и пренебрегать атмосферой зала, постоянно посылающего нам на сцену биотоки своего восприятия спектакля.

— Ну, а в каких ролях участие зрителя тебе особенно дорого и необходимо?

— Необходимо во всех. Особенно дорогого... В ленинских спектаклях. Лучшие черты передовых людей эпохи, воплощенные в положительных героях, когда-либо мною сыгранных, в новом и каком-то обобщенном качестве явились как бы аккумулятором творческой энергии, питавшей меня в работе. В четырех постановках Театра имени Хамзы выступил я в роли Ленина. Отталкиваясь от драматургического материала, искал, набирая драгоценный опыт, творческие ключи к постижению великого характера. Об этом в двух словах не расскажешь... На ленинских спектаклях в зале устанавливалась настроженная тишина, сменявшаяся «рабочим шумом» активного восприятия каждого ленинского жеста, слова, поступка. В кульминационные моменты торжества бессмертной ленинской мысли вспыхивали, гремели аплодисменты. Каждый миг сценического пребывания в образе Ленина — не только великая человеческая и актерская радость, но и ответственный труд, от которого устаешь. Горячее соучастие зрителя и было для меня, если хочешь, эстетическим допингом, который, я скажу откровенно, принимал охотно, как большую дружескую помощь надежного партнера, участвующего вместе со мной и моими товарищами в создании спектакля. Скромяная моя «лениниана» — своеобразный творческий рубикон. Перейдя его, я не мог не установить для себя высокого критерия в подходе к каждой роли.

Мы разошлись по домам, когда ташкентское солнце стало безжалостно палить нас своими жаркими лучами.

Вечером этого же дня я в третий раз смотрел «Царя Эдипа» с Бурхановым. В зале сидели узбеки, русские, татары, корейцы, армяне. Язык эмоций нытен всем.

ОБЪЕДИНЕННАЯ КУЛЬТУРА

22 ИЮН 1973